

ПРОЕКТ СЕРГЕЯ КОРОТКОВА

«Хроники Армады» – новый научно-фантастический проект, вобравший в себя все лучшее из серий «Постапокалипсис», «Попаданцы», «Боевик».

«Хроники Армады» – это произведения уже известных писателей и начинающих авторов, это отзывы и рецензии, конкурсы и опросы, встречи с любимившимися писателями, конференции и мастер-классы...

Любой талантливый новичок может заработать здесь пропуск в большую литературу, получить компетентную поддержку и профессиональные советы.

АРМАДА – наследие древней цивилизации Основателей, скрытое от глаз простых смертных. Это могущественный артефакт, аккумулятор энергии, способный менять законы мироздания.

АРМАДА – краеугольный камень в извечной борьбе Добра со Злом, Света с Тенью. И поэтому у нее достаточно много врагов и пока еще мало друзей...

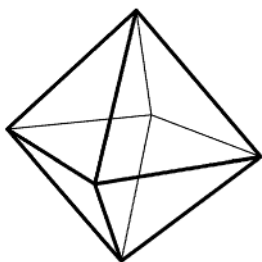
Окунитесь в атмосферу проекта и почувствуйте дыхание **АРМАДЫ**, читайте и проникайтесь ее духом и силой. Бескрайний мир, созданный фантазией признанных мастеров жанра, ждет вас. Осталось сделать всего один шаг...

Ждем вас на нашем сайте

litarmada.net.ru

ДМИТРИЙ ЗАВАРОВ

ЭХО ВОЙНЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

В оформлении фона обложки
использована иллюстрация:
alexaldo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

На обложке фрагмент работы художника
Игоря Варавина

В оформлении использован рисунок
художника *И. Варавина* из проекта
«СМЕРШ идет по следу. Спасти Сталина!»
серия «ВОЙНА. ШТРАФБАТ.
ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ! 2015 год»

Заваров, Дмитрий Викторович.

3-13 Эхо войны / Дмитрий Заваров. — Москва : Эксмо :
Яуза, 2017. — 320 с. — (Хроники Армады).

ISBN 978-5-699-96293-8

Цивилизация уничтожена. Они — всё, что осталось от человечества. Горстка людей, пыгающихся приспособиться к новым правилам мертвого мира. Против них — мутанты, аномалии, неизвестные вирусы... и нечто страшное, чему пока еще нет названия.

Чтобы повернуть вспять Апокалипсис, боевой тройке сталкеров с позывными Глок, Чекист и Чапай предстоит отправиться в далекое прошлое, на Великую Отечественную войну. Где совместно с полковой разведкой и оперативниками спецгруппы СМЕРШ взять штурмом секретный объект фашистов, находящийся на территории нынешнего Чернобыля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96293-8

© Заваров Д. В., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

*4 октября 1943 года.
Позиции 1078-го стрелкового полка
322-й стрелковой дивизии*

Дверь «Студебеккера» распахнулась с каким-то театральным скрипом. В прокуренную кабину, словно поджидал этот момент, сразу же ворвался пахнущий осенней сыростью ветер, ударил в лицо, сорвал с самокрутки несколько крупных оранжевых искр.

Я нащупал ногой невидимую в темноте подножку, встал на нее, машинально похлопал себя по карманам — все ли на месте, подтянул планшет.

Темень стояла хоть глаз выколи. Только за еле различимой гребенкой леса облака подсвечивались холодными, мерцающими отблесками — видимо, от осветительных ракет.

— А это точно 78-й?

— Вторую неделю тут мотаюсь!

Тень шофера качнулась в полумраке кабины, и вдруг перед капотом вспыхнули два синеватых световых конуса, стала видна разъезженная, усыпанная кляксами жирной грязи дорога, от которой в сторону леса отпочковывался совсем уж убитый

проселок с глубокими, залитыми водой колеями. Перед поворотом стояла струганая слега с раскисшим фанерным указателем: «Хозяйство Казначеева». Фары так же резко погасли, и ночь снова залепила глаза.

— Тут с полкилометра, не больше, — обнадежил водитель.

— Ну ладно тогда. Бывай, что ли?

— Табачку бы отсыпали, товарищ лейтенант. — На силуэте головы блеснула полоска зубов.

— Держи.

Я кинул на сиденье почти полную пачку госпитальной махорки — все равно не могу ее, проклятую, курить. Подцепив вещмешок, спрыгнул на землю, хлопнул дверью. Водитель рванул с места — подпрыгивая в ночи, замигали светлячки стоп-сигналов и, метнувшись влево, исчезли. Едко-ароматное облачко бензиновой гари растеклось над невидимой дорогой. В наступившей тишине явственно проступили осторожные, вкрадчивые звуки: шум ветра в траве, шелест листвы, далекие удары артиллерии. Я в две затяжки добил вонючую самокрутку и посмотрел на часы: светящиеся стрелки показывали ровно полвторого.

Дождь закончился, когда выезжали со станции, однако воздух все еще был густо пропитан влагой. Из-за горизонта, совсем у края, показалась яркая звезда — ракета, — будто выглянула из озорства. И тут же нырнула обратно, оставив после себя бледное пятно зарева.

Километра два — прикинул я расстояние до передовой. Включил фонарик и, обходя заполнен-

ные водой выбоины, двинулся в сторону леса. Как только дорога нырнула в березняк, наполненный шорохом падающих капель, путь перегородили две комковатые тени: бойцы в плащ-палатках, за их спинами, на обочине, виднелось что-то типа грубо сколоченного навеса с лавочкой и столиком. По глазам полоснул луч, заставив зажмуриться.

Предвосхищая вопрос, я было полез за документами, но, заметив, как один нервно дернул стволом ППШ, замер. «Бдительность!» — прозвучал в голове свирепый голос майора Кузуба. Пристрелят еще, стражи рубежей...

— Предъявите документы! — обратился тот, что постарше, с вислыми усами.

Вот теперь можно. Который помоложе, совсем салага еще, все так же грозно выставив ствол, внимательно следил за моей рукой. И под этим взглядом я плавно извлек из кармана гимнастерки удостоверение. Луч фонаря переместился на документ, и я с облегчением проморгался.

— Аптамат поправь, служивый, — посоветовал молодому.

Шмыгнув носом, парень сделал вид, что это к нему не относится. Усатый старшина скрупулезно рассматривал удостоверение. Впрочем, в движениях его уже появились нотки почтения. Ну да: лейтенант Зуев Алексей Семенович, Смерш.

— Убери, — буркнул усатый напарнику.

Автоматный ствол нырнул в темноту. Паренек снова шмыгнул носом.

— Где особый отдел, ребята? — поинтересовался я, принимая удостоверение от козырнувшего старшины.

— Так что сейчас до полянки и направо, вдоль опушки. Там спросите. Только фонарь выключите, запрещено в ночное время.

Сообщив это, усатый устало козырнул и пошагал к навесу. Чуть поколебавшись, молодой автоматчик двинулся следом. Я услышал, как он с плеском оступился в колею и неумело выругался. «Бдительность!» — мысленно рявкнул я в сутулую спину героя. Можно было бы и вслух, но существовала вероятность, что этот «бывалый» фронтовик непроизвольно начнет стрелять. Отойдя метров на пятьдесят, я снова включил фонарь: по такой темноте пусть сами ходят на ощупь.

Искать ничего не понадобилось. Первым, кто встретился мне на наполненной еле видной ночной жизнью поляне, был сам шеф, полковник Мощин: его долговязую сгорбленную фигуру нельзя было не узнать даже в вязкой осенней темноте.

То, что у Мощина чутье — о том знали в отделе все. Серега Фрязин на полном серьезе рассказывал, что шеф умеет читать мысли, причем даже по-немецки. Я в эти антинаучные заявления, конечно, не верил, но факт был налицо: в который раз уже полковник умудряется оказываться в нужном месте в нужное время.

— Здравия желаю, вашество! — язвительно произнес шеф.

— Рад стараться! — Я пожал плечами.

Пауза затягивалась. Откуда-то тянуло сладковатым березовым дымом, но костра нигде не было видно. Я не выдержал первый:

— А как еще я мог добраться, Федор Степаныч? На такси денег не выделили.

— Ладно, путешественник, пошли, — смилостивился Мощин. — Фонарь гаси, у нас тут с маскировкой строго. Бомбят. Как плечо? — поинтересовался он, уже развернувшись.

— Нормально.

— А вещмешок почему слева?

Я только хмыкнул и поспешил следом. Сейчас было сложно прикинуть размеры поляны, но, судя по всему, места хватало. В темноте чувствовалось присутствие большого количества деятельного народа: чавкали шаги, слышались обрывки разговоров, то тут, то там ночь протыкали багровые точки сигарет. Полковник споро шагал по тропинке вдоль опушки — под сенью деревьев виднелись угловатые силуэты, срывающиеся капли выбивали неритмичную дробь на жести автомобильных крыш, глухо шлепали по дереву. Однажды на нас пахнуло ароматом гречневой каши с мясом, пустой желудок отозвался надеждой, но полевою кухню разглядеть не удалось, хотя звон посуды раздавался совсем рядом, за густой порослью орешника.

Размечтавшись об ужине, я еле углядел, как сутулая тень Мощина нырнула в темнеющий проход меж деревьев. Метнулся следом и чуть не наскочил на шефа: полковник остановился у невысокого ограждения из березовых слег. В земле невнятно просматривалась широкая щель входа в землянку.

Шеф схватился за поручень, но тут же замер, прислушиваясь. Впереди, за лесом, несколько раз ухнули зенитки, истерично протарахтел пулемет. И все затихло. А спустя пару секунд заострившийся слух вычленил в шуме шелестящей листвы нарастающий тугой гул. Фигура полковника выпрямилась и застыла с задранной головой. Самолеты шли достаточно высоко, судя по всему — несколько звеньев.

— «Хенкели», — уверенно заявил Мощин.

Я не стал спорить. К тому же, откровенно говоря, по звуку различать немецкие самолеты не научился. Было у меня подозрение, что и товарищ полковник в этом не силен...

Попав на фронт, шеф как-то быстро вошел роль бывалого вояки: с удовольствием носил форму, усиленно обрастал привычками и манерами кадрового военного. Получалось у него это не всегда аутентично, но пусть уж — как говорится, чем бы дитя ни тешилось.

А землянка вопреки ожиданию оказалась довольно-таки уютной. Бревенчатый потолок был достаточно высок даже для долговязого полковника, аккуратно подогнанные доски прикрывали стены, делая помещение похожим на баню. Впечатление портил только утоптаный глиняный пол. У дальней стены торцом стоял импровизированный стол, собранный из снарядных ящиков, за отгороженным плащ-палаткой углом виднелся край походной кровати. Слева от входа, возле заставленного посудой ящика, сидел, нет, точнее — возвышался

Сема... а если совсем точно: ординарец и водитель полковника Мощина сержант Тимохин Семен Федорович. При свете «летучей мыши» подшивал воротник гимнастерки. Его широкое конопатое лицо расплылось в радостной улыбке, отчего стало еще шире. Хороший человек Сема, отзывчивый, метра под два ростом, косая сажень в плечах, ну а мозгов много ординарцу не надо, чай, не следовательно по особо важным делам.

— Леха! — радостно выкрикнул Сема.

Он вскочил и даже будто бы сделал попытку обнять меня, отчего я невольно отшатнулся: попасть в лапы этого медведя... Плечо еще болело, как правильно догадался товарищ шеф.

— Семен! — одернул его Мощин. — Сходи на кухню... полевую кухню. Сгноши поесть. И кипятка там организуй. Быстро.

— Есть, — щелкнул каблуками Тимохин.

Сема ухватил со стола два котелка, мимоходом с хрустом пожал своей лопатой мою бедную руку и выскочил наружу.

— Будто не в армии, а на завалинке, — проворчал полковник. — Стыдно перед офицерами.

Он прибавил фитиль в лампе и перенес ее на свой стол. Я огляделся, скинул в угол вещмешок, повесил на стену сырой плащ и уселся напротив Мощина, осторожно сдвинув в сторону папку с документами.

— Шикарная землянка. — Я решил подбодрить шефа.

— В наследство досталась, от местного особиста. Твой друг майор Краснов приютил по-братски,

а сам счел целесообразным перебраться поближе к штабу дивизии.

Мощин закурил. Я демонстративно достал запечатанную пачку махорки и, положив на стол, попытался оторвать полоску бумаги от газеты.

— Ну на, на, кури! — Полковник бросил на стол пачку «Казбека». — Бедный родственник!

— Кто мы, и кто вы. — Я хищно завладел папиросой.

— Не приbedняйся, — попросил Мощин.

Щурясь от ароматного дыма, он внимательно, оценивающе осматривал меня. Я вытянул вперед правую руку, продемонстрировал ее работоспособность. Полковник покивал. С ответной бесцеремонностью я оглядел шефа. Все без изменений: глубоко посаженные колющие глаза, шишковатый бритый череп, огромный мясистый нос, остро выступающий подбородок. К фигуре Мощина больше всего подходило определение «несуразная»: моластые руки, длинные худые ноги, чрезвычайно сутулая спина.

— Сойдет? — спросил Мощин, дождавшись окончания осмотра.

— А есть варианты?

— Вот именно! — скупо улыбнулся полковник, но тут же сменил тон: — К делу. Сегодня... точнее, уже вчера, около шести часов утра примерно в тридцати метрах от наших позиций был обнаружен труп немецкого солдата, фельдфебеля в форме артиллериста. Сквозное ранение спины чуть ниже левой лопатки: идеально круглое отверстие диаметром около пяти сантиметров. Поражающий эле-

мент не найден. Оружие идентифицировать не удалось. Есть мнение, что этот случай по нашей части.

Деловая манера полковника, хорошо знакомая по работе в МУРе, перечень фактов, четкие формулировки — я невольно почувствовал азарт. Может быть, действительно по нашей части? У него, шефа, отменное чутье.

— Тело? — спросил я быстро.

— В Ельск отвезли, в морг.

— Место осмотрено?

— С этим затруднение, Леша, — вздохнул полковник и поскреб ногтем край лежащей перед ним тетрадки. — Берег реки, у самой воды. Склон простреливается противником — до его позиций на том берегу не больше двухсот метров. Осмотр возможен только ночью...

— Ну так осмотрели? — нетерпеливо перебил я.

— Осмотрели, куда деваться-то. Но так, по мере возможности. — Мощин пожал плечами совершенно по-штатски. — Лично лазил. Ничего не нашли.

— С чего вы взяли, что неизвестное оружие? Вдарили чем-то типа трубы...

— Поедешь завтра в морг, сам посмотришь. Аккуратное отверстие на кителе, майке, ровные края раны, явный полукруг на лопатке, ребрах... И никаких деформаций. Как дыроколом пробили.

— Кто еще этим занимается?

— Пока никто, — лукаво улыбнулся полковник.

— Как это? А пятый отдел? Чудо-оружие все-таки.

— Я не докладывал. Возможно, это наш шпион. Если так, им сразу займутся другие, а нас отодвинут.

— Почему сразу шпион? — отметил я, вытягивая из командирской пачки еще одну папиросу.

— Почему?... — переспросил полковник, окинув меня каким-то странным взглядом, будто примеряясь, как половчее ударить.

— Чего? — Я сразу же насторожился.

Знаем этот взгляд, встречали уже. Сейчас будет интересно! Мощин закурил, посидел какое-то время, выпуская дым в потолок. Гремя котелками, вернулся Сема. Без слов разложил добытую провизию на ящике и так же без слов, покосившись на нас, молча выпускающих дым, вышел.

— На правом бедре трупа фельдфебеля была обнаружена русская надпись, предположительно кровью: «ле Андре». Расшифровано мной как «лейтенант Андреев».

— Не слишком ли самоуверенно?

— Отнюдь. В нашем стрелковом полку как раз имеется лейтенант Андреев, командует разведротой.

— Резонно, — согласился я. — Но зачем было писать его имя на трупе?

— Интересно другое: прозектор клянется, что при первичном осмотре, когда срезали одежду, надписи этой не было. Появилась она потом.

— Ну это понятно. Вряд ли немец перед тем, как перейти на сторону врага, писал кровью на бедре имя советского командира.

— А между тем писал именно он, — спокойно, даже как-то равнодушно заявил полковник.

И снова мы уставились друг на друга. В наступившей тишине было слышно, как потрескивает

фитиль в керосинке и шуршит что-то за обшивкой стены. Я глубоко, до рези в горле, затянулся и растер окурок по стенке гильзы-пепельницы.

— Откуда такая уверенность? — поинтересовался лениво.

— На-ка вот, посмотри.

Пока шеф рылся в бумагах, я незаметно стянул из пачки пару папирос — от него не убудет, а у меня от ихней махорки глаза вываливаются. Только успел припрятать добычу, как Мощин бросил передо мной небольшую книжицу в потрепанной кожаной обложке, перетянутую бечевкой.

— Что это?

— Что-то вроде дневника нашего русско-немецкого трупа. Рекомендую ознакомиться. Весьма занимательно.

